

18+

Арсений Самойлов

**Давящая
атмосфера
сарая**

Арсений Самойлов

Давящая атмосфера сарая

«Издательские решения»

Самойлов А.

Давящая атмосфера сарая / А. Самойлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-677214-4

Эта книга — не характерная для автора. Здесь практически отсутствует сюжет. Это, скорее, философский трактат на тему экзистенциального нигилизма. Книга о человеке, волею судьбы, переехавшего в неблагоустроенный сарай, рассуждающего о жизни и морали, устройстве общества и места в нем для отдельного маленького человека.

ISBN 978-5-00-677214-4

© Самойлов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Давящая атмосфера сарая

Арсений Самойлов

Дизайнер обложки Нейросеть "Холст"

© Арсений Самойлов, 2025

© Нейросеть "Холст", дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-7214-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я живу в этом сарае уже год. Изначально я планировал въехать в эту клоаку, сплетенную из паутины и плесени, лишь временно, пока не решу свои финансовые проблемы. Но все временное, как говорят, является на удивление похвально постоянным. Хозяин сарая запросил суший пустык за право пользоваться этим «домом» и, за неимением иных вариантов, я пожал ему руку и заселился. Что из себя представляет сарай? Черное деревянное одноэтажное здание. Черное не от краски, а от сгнивших старых досок. Потолок сделан из них же и, когда идет сильный дождь, то на голову, кровать и мебель падают капли, протекающие сквозь те доски, что не так близко прибиты друг к другу. А может они ссохлись и разъехались со временем, ведь рядом овраг и сарай постепенно ползет к нему, вслед за ползущей почвой под ним. Однажды он рухнет – сложится как картонный домик и тогда его агония будет закончена, а вместе с ним и моя. Внутри сарай такой же черный. Стены изъедены плесенью, из пола местами растут грибы. Не те грибы, что ты можешь собрать в лесу и пожарить с картошкой и маслом, нет. А те, что растут в подвалах и на старых трухлявых стволах деревьев, вызывающие отвращение, а отнюдь не аппетит. Водопровода или канализации в сарае нет. Если я хочу по нужде, то я иду в заросли ежевики, растущей неподалеку. Если хочу помыться – в речку. Конечно же, если это лето. Если сейчас зима, то мне приходится растапливать снег на небольшой печке, что есть в единственной темной комнате моего сарая, а потом обливаться холодной водой на морозе. Вокруг дома есть небольшой участок земли, где растут те самые заросли ежевики, пара деревьев... больше там по сути ничего и не растет. Почва так неплодородна, что даже приличная газонная трава на ней желтеет, сохнет и гибнет. Так что ходить мне приходится по желтому влажному селу, неизменно гнилому, как и все в этом месте. Единственная радость – то, что иногда, прыгая с ветки на ветку, ко мне прибегает белка. Но и она не желает долго пребывать на территории сарая, так что белка даже близко не подходит ко мне и не ест еду, которую я так и продолжаю ей безуспешно предлагать. Я не злюсь и не удивлен. Никому не захочется находиться больше минуты в этом месте. Что заставило меня жить здесь? Всего лишь превратности судьбы и только-то. Не туда вложенные деньги, не та заарканенная женщина, не те отношения с боссом, не та экономическая ситуация. Обычная скучная история, в ней нет ничего интересного или захватывающего. Как и во всей моей прочей жизни. Чего я жду? А жду ли я чего-то? Пожалуй, что да. Если акции компаний, в которые я вложил когда-то средства, снова поднимутся, то я смогу переехать в достойное жилье. Почему я не пойду работать? Никакая работа не сможет обеспечить мне и жилье, и жизнь того уровня, ради которого я бы пошел на этот отчаянный шаг. У меня была такая работа и я ее потерял. Второго такого шанса жизнь мне пока еще не представила. Идти работать за гроши чтобы жить в разбитой халупе, но без плесени, с канализацией и водопроводом – ради этого я не готов променять свою свободу. У меня есть еда и протекающая, но все же крыша над головой. Если я и променяю снова свободу, то лишь на достаток, но уж точно не на чуть меньшую бедность. К тому же, я неврастеник. Для моей нервной системы будет крайне вредно снова работать головой, она и так слишком сильно забита ненужными мыслями, чтобы забивать ее еще и нужными. Особенно нужными кому-то, а не мне самому. Я бы не отказался работать руками. Мне нравится пилить деревья и работать в саду. После такого трудового дня приходит физическая усталость, приятное вечернее расслабление на кровати и прекрасный ночной сон. Но за такую работу платят так мало, что я был бы не в состоянии даже съехать из сарая. Работа – то же рабство, только лишь узаконенное в наше гуманное просвещенное время. Начальник – тот же хозяин, он говорит что тебе делать и когда, ты должен выполнять его распоряжения, он решает когда и где тебе быть, имеет право на тебя кричать и тебе грубить, а ты не имеешь право спорить, а тем более грубить, даже в ответ. Ты в подчиненном положении, ты раб, ты бета, ты внизу

иерархии. И только если у тебя тоже есть подчиненные, то ты не в самом ее низу, ты где-то посередине, ведь в такой конторе есть еще и гамма, а может и много других букв греческого алфавита. В конце концов, попав в крупную корпорацию, ты можешь стать даже омега, быть «бета» для тебя будет неосуществимой мечтой. В любом случае, у тебя будет график работы. Ты несвободен. За тебя решают когда у тебя есть время, а когда нет. За сколько сребреников можно променять свою душу? Каждый решает сам.

Глава 2

У всего в мире есть плюсы и минусы. В том числе у сарая. Сарай прочищает сознание. Ты понимаешь как глупы и бессмысленны все твои прошлые притязания, надежды, капризы и вожеления. Есть лишь ты и сарай. Ничего больше нет. И если ты вырвешься из сарая, то остальное уже будет неважно. Но кто попал в сарай однажды, тот оттуда уже не сбежит.

Начинаешь ценить простые вещи, такие как еда и воздух. Вот еще один плюс сарая. Прекрасный чистый воздух у себя во дворе, где больше никого нет, кроме тебя и него. Тебя и их. Тебя. Сарая. Воздуха. Временами есть вкусная еда. Временами простая. От простой тошнит, но ты ее ешь. Раньше ты не смог бы ее есть вообще. Вкусная еда становится смыслом жизни. Раньше ты бы ею брезговал. Обычный фастфуд. Что в нем хорошего? Это не деликатесная пицца из итальянской пиццерии, не стейк Шатобриан. Но теперь ты получаешь удовольствие от того, от чего не получал его ранее. И знаете что? Это удовольствие много выше тех, что ты имел, будучи при деньгах. Никакой стейк не сравнится по удовольствию с обычным хорошим бургером, приготовленным на скорую руку для простого работяги, которому стейк не по карману. И пусть ты уже ел эти стейки, тебя на них больше не тянет. Разница в том, что тебя на них и раньше не особо тянуло, но на остальное тебя не тянуло вообще. А теперь тебя тянет на многое, но не на них. И удовлетворение от еды намного выше, когда ты беден, чем когда ты богат. А от чего мы можем получить больше удовольствия, чем от еды и женщин? Уж точно не от денег или изысков. Мы покупаем модную одежду, в которой неудобно ходить. Мы покупаем красивых женщин, с которыми тошно спать, ибо они делают это за ресурс, а не по любви. Мы едим изысканные деликатесы, потому что простая, но вкусная еда нам приелась и уже нам не по статусу. Нам стыдно идти в заведение фастфуда, покупать масс-маркет. Нам стыдно есть то, что вкусно и просто, носить то, что удобно и дешево, что мы можем испачкать, помять и не беспокоиться за дорогую замшу, шелк или кожу. А тем не менее оно вкуснее и удобнее, но мы не ценим это, ибо можем это слишком легко получить. Тоже самое с женщинами. Отдайся она легко и просто – и мы не ценим то, что получили. Мы будем искать ту, которую будет труднее завоевать. Отсюда ценность девственности и женской скромности. Не потому, что мы хотим доминировать (хотя это так) и не потому, что исторически девственность означала гарантию на то, что именно ты станешь отцом рожденного потомства (хотя это тоже так, ибо мы льстим себе обладанием разума, но движут нами животные инстинкты, которые мы оправдываем тем, что это якобы наш разумный выбор). Но потому что мы ценим лишь то, что нам удалось получить с трудом, еще лучше, если это удалось нам, но не удалось другим. Отсюда ценность эксклюзивности во всем и во всех ее проявлениях. Тоже самое с ревностью. И женская ревность, не имеющая никакого отношения к тому, кто даст будущее потомство, так же более яростна, чем мужская, как более яростна схватка двух женщин за новые туфли известного дизайнера на распродаже, имеющие эксклюзивный фасон (пусть даже эксклюзивный лишь в их среде). Двое мужчин, встретившихся на приеме в одинаковой одежде, лишь рассмеются забавному совпадению. Двое женщин в подобной ситуации останутся навсегда врагами. Женщина хочет, чтобы мужчина принадлежал ей безраздельно, как кашемировый свитер или пальто. Мужчины часто делят женщин с другими, если они красивы, но никогда не поселяют их в своем сердце безраздельно. Тут можно сказать, что мужское сердце намного шире женского и вмещает в себя гораздо больше людей. Но, по правде, мужчинам лишь проще оплодотворить много женщин, тогда как женщина может девять месяцев вынашивать плод лишь одного мужчины, страдая все это время, и ей бы не хотелось попасть впросак в этой ситуации с выбором чей же именно плод ей придется вынашивать. Поэтому, если уж ее выбор пал на какого-то ухажера, то ее требования вполне обоснованы. Желая поселить в нее на девять месяцев паразита, высасывающего ее жизненные соки, она имеет право быть хотя бы уверен-

ной, что все свои ресурсы он будет тратить на ее паразита, а не на десять других, живущих в животах десяти других дур.

Глава 3

Что же насчет стейков? У входа в сарай стоит барбекю. Я могу купить угли или сжечь сухие ветки (что намного дешевле, учитывая нынешние цены на все, даже на то, что ты смываешь в унитаз или сжигаешь в барбекю... видимо, в условиях глобального потепления, самое ценное – это древесина для изготовления углей и туалетной бумаги). Когда угли распалются и пламя затихнет, я могу выложить на решетку маринованную свинину, курицу, по праздникам говядину (когда праздник, а когда нет, я решаю сам – в этом и есть свобода человека лишенного календарного графика дней рабочих, выходных и праздничных), и пожарить это мясо так вкусно, как никогда не ел его ни в одном ресторане с мишленовской звездой. Особенно с мишленовской звездой. Ведь в таких заведениях ты должен отдать половину среднего месячного заработка (а если тебе так не повезло, что ты вкушаешь не один, а с красивой женщиной, то и целый месячный заработок) за сет из множества блюд, каждое из которых по своему объему не тянет даже на аперитив. И вот, ты ешь все эти щупальца осьминогов под соусом из каракатиц, доедаешь этот разнообразный тошнотворно выглядящий аперитив под свекольным соусом, смешанным с тушеной брюквой с кедровыми орешками, отдаешь все свои средства и выходишь из ресторана, насытившись аперитивом, мечтая перейти к вкусному обеду из бургера с картошкой. В присарайной зоне (у нас свои словечки) ты можешь дешево и сердито пожарить вкуснейшее ресторанное мясо, получив еще и невероятное удовлетворение от процесса готовки. Мужчины любят готовить мясо. Нам кажется, что это мы его поймали и убили. Современный мужчина не смог бы убить животное и его бы вырвало от отвращения к процессу разделывания туши. Но нам нравится играть в первобытных людей. Нам нравится жить в палатке в лесу, носить оружие, купаться в реке и играть в охотника и дикаря. Быть им нам было бы не по вкусу. Для этого пришлось бы жить хуже, чем в сарае.

Потом мясо надоедает. Нет, я могу есть много мяса. Мясо – мой основной рацион. Но в тот день, когда ты наешься мяса, в тот вечер ты захочешь фруктов. Если нет денег на фрукты – ты можешь просто попить воды. Но все же хочется фруктов. Проблема в том, что, когда ты ешь мясо – ты пьешь алкоголь. Пиво и вино так подходят к нему. А когда ты пьешь алкоголь – ты не считаешь деньги. Захотел фруктов – пошел к торговке шатающейся походкой и купил виноград, персики и инжир. Вечер проходит так же прекрасно, как и день, но на утро ты понимаешь, что потратил лишнее.

Кроме мяса мужчине нужен хлеб – в любом его агрегатном состоянии. Твердом – мягкий свежее испеченный хлеб с хрустящей корочкой, которую ты отламываешь и ощущаешь аромат пшеницы и дрожжей, жадно разжевываешь челюстями и насыщаешься его сытной консистенцией. Жидком – свежее пиво, так же пахнущее дрожжами и пшеницей, хмелем и ячменем, так же насыщающее тебя, но дающее большее удовольствие, чем хлеб в его твердом состоянии. Деревенские закусывают хлебом всю еду, даже мясо. Я городской житель, я не заедаю хлебом, я лишь запиваю им мясо. Особенно я люблю выпить жидкий хлеб с утра – заряд бодрости и хорошего настроения на весь день. Когда он отпустит, то хочется лечь спать, но дневной сон полезен и по пробуждении ты полон сил и способен свернуть горы. Еще с мясом хорошо идет жидкий виноград. Красный, а с рыбой – белый. Но вино дорого. Как и рыба. Иногда я покупаю горбушу или речную форель и жарю на решетке вместо мяса, к этому обязательно полагается белое вино. Рыба получается много лучше, чем в большинстве ресторанов, куда я больше не пойду, даже если акции моих компаний взлетят до небес. И уж точно не хуже, чем в лучших из них, где я ел такую рыбу на углях. Вот тебе и праздник. Я не праздную государственные праздники. Мой праздник – когда я куплю рыбу и вино. Привилегия свободного бездельника. А что вообще есть «дело»? Для следователя это то, что определяет и описывает чью-то виновность. Для меня теперь тоже, может я стал своего рода следователем? За чем я следую? За сво-

ими желаниями, не опороченными и не загрязненными установками общества, требующими от меня быть таким-то и жить так-то? Тогда я настоящий следователь, ведь я следую за тем, что считается порочным и преступным, что требует наказания. В самых жестоких тоталитарных режимах тунеядство считалось преступлением, пусть даже твое «тунеядство» заключается в том, что ты вложил в некие активы и получаешь с них пассивный доход. Хорошо, что я живу в свободной капиталистической стране. Но я следую за этим желая это иметь, а не желая это наказать. Что значит «деловой человек»? Напыщенный сноб, приносящий некую пользу и выкачивающий еще больше пользы для себя из других? Всегда занятой, всегда при делах? Я тоже занят и при делах. Просто мои дела не касаются других. Я жарю мясо и пью вино, это не касается вас, потому я не «деловой», что с моих дел поиметь? Что значит «дельный совет»? Тот, что принесет пользу. К черту вашу пользу и к черту ваши дела. Я не лезу в них, не лезьте в мои. Я не хочу быть полезным. Быть полезным – значит быть дураком, значит приносить пользу кому-то, как правило, в ущерб себе. Как просто было изначально. Мужчины охотятся вместе, женщины готовят, поддерживают огонь и собирают плоды. Ночью они вместе спят, а потом мужчины снова уходят. Простая приятная жизнь. Во что мы превратили нашу цивилизацию? Развивай нас как вид, и ты получишь рабство, строительство пирамид, при котором гибнут сотни ради никому не нужных гробниц, войны, социальную иерархию (а как без нее в развитом обществе?), а следовательно угнетение, и на последнем этапе узаконенное рабство и угнетение одним другого, в котором никто не считает себя ущемленным, ибо каждый считает себя свободным. Свободным человеком, встающим по будильнику в 6 утра и едущим туда, куда он бы не хотел ехать, чтобы провести время так, как он бы не хотел его провести, слушаясь того, кому он хотел бы плюнуть в лицо. А мог бы просто встать утром в пещере, под боком своей жены, и пойти убивать животных, чтобы вечером съесть их жареное мясо. Но мы любим все усложнять. Потому у нас так усложнился, то есть развился, мозг – к нашему несчастью. У тебя есть деньги и свобода? Ты не прав. Ты должен быть полезен другим, ты должен стремиться к большему. У тебя есть дом, еда и сад? Что ж, молодец. Но иди работай, чтобы получить свой личный самолет. Тебе не нужен самолет? Ты недостаточно амбициозен, ты неудачник. Посмотри на этого достойного гражданина. Пока ты купаешься в реке и собираешь инжир на своей земле, он сидит в офисе и пытается заработать на личный самолет. У него есть амбиции. У него нет реки и инжира. Но он занят делом, а ты нет. Ты никчемный человек. А он многого достигнет. Или нет. Но он на правильном пути. Он сидит в офисе с утра до вечера, он двигается вверх по карьерной лестнице. А ты сидишь и смотришь на звезды. Ты бесперспективен. Ты не нужен. Ты лишний. С тебя никто ничего не поимеет. Виновен!

Глава 4

Есть четыре типа людей. Есть те, кто много знает. Есть те, кто умен. Есть те, кто мудр. Есть те, кто не мудр, не умен и ничего не знает – их большинство. Конечно, есть еще множество смесей этих типов, но включать их в статистику было бы чрезмерным. Человек, который много знает, но не умен и не мудр – это настоящий отличник. Он зазубрил множество фактов, но понятия не имеет о том, что они означают. Он не в состоянии их применить и осмыслить. Нам они не интересны. Человек, который умен – уже интереснее. Он может ничего не знать и у него не хватает мудрости понять, что из этого следует. Но у него хорошо работает голова и, если бы он решил что-то узнать, то он бы сделал правильные выводы исходя из этого. На самом деле он так и так делает правильные выводы и принимает не глупые решения, просто он ничего не знает. Люди могут быть умными, но не тянуться к знаниям, которые способны переварить. Люди могут быть умудренными опытом, но не отличать Верону от Венеции, Гогена от Ван Гога и Теодора от Франклина Делано Рузвельта. Человек, который мудр, но ничего не знает и не умен – это редкий старик, у которого хватает жизненного опыта и интуиции чтобы понять как устроена жизнь. Возможно, он был умен ранее, но не настолько, чтобы начать что-либо знать. Большинство стариков относятся к последнему типу из четырех, как и большинство молодых, просто в старости они считают себя умудренными опытом, в то время как они лишь поглупели от деменции и технической отсталости. Последний тип – это тот, кто ничего не знает, не умен и не мудр. Это простой человек, проживший свою жизнь по сценарию, который для него написали другие. Он жил так, как должен был. Он работал по найму, зарабатывал деньги, растил детей и в старости получает скудную пенсию и обладает правом на бесплатный проезд в общественном транспорте и сидячее место в нем же, которое он яростно отстаивает, как главное достижение своей жизни. Еще есть люди, которые много знают, умны и мудры. Будем считать, что это мы с вами. Но, если мы так считаем, то мы точно не одни из них. Есть много знающие умные люди – это самый реалистичный идеал из всех. Нужно всего лишь родиться и вырасти умным, а потом начать узнавать все, что ты только можешь узнать. Пустяк. Мудрые и умные, кто мало знают – это обычные мудрецы. Когда ты умен и с возрастом получил мудрость – ты уверен в том, что ты знаешь крайне мало. Если ты много знаешь, мудр, но не умен – ты тешишь себя самообманом. Ты глупец, который много учил и читал, но ничего не понял и на склоне лет считаешь, что можешь учить других. Но это другие должны учить тебя. Прислушайся к голосам молодых и умных. Скорее всего, ты учитель или преподаватель. У тебя есть шанс чему-то научиться у твоих учеников. Если же ты умен и много знаешь, но так и не стал мудр, то ты либо молод и это простительно, либо ты глуп и тешишь себя мыслью, что умен. Иди в учителя, преподаватели, коучи, а лучше привяжи к ногам кирпичи и иди прямо-ком в глубоководную реку – так ты принесешь... нет, не больше пользы, но меньше ущерба неокрепшим умам. Конечно же, никто так не сделает и правильно. У нас разрешена пропаганда отрезания половых органов, но запрещена пропаганда суицида, селфхарма. Запретим резать горло и руки, но разрешим и даже одобрим отрезание гениталий. Если человек считает себя Наполеоном, то это шизофрения, а если он считает себя человеком другого пола? Ранее я бы сказал, что считать себя собакой или кошкой – тоже шизофрения, но прогресс движется слишком быстро и это уже тоже стало нормой в определенных странах. Люди не сделают ничего ради других. Все, что они делают – они делают ради себя. Не существует никакого альтруизма. Если мы делаем что-то из альтруизма, то мы делаем это для своего самоутверждения. Кто положит деньги анонимно в кассу для бедняков? Тот получит самоудовлетворение от своего геройского поступка. Он купит себе индульгенцию на многое, он купит себе веру в свою доброту. Это та же покупка, только духовная. Еще больше людей пожертвует деньги публично, чтобы еще и купить самоутверждение в глазах других. Самые большие деньги дают за почесть назвать

крыло больницы или сквер в свою честь. Мы ничего не делаем для других, лишь покупаем их одобрением свою самооценку. Да и зачем делать что-то для других, если в мире так мало делается для нас? В каждую корку хлеба нам приходится вгрызаться всеми своими зубами. Особенно в сарае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.